

ОБ ИВАНОВЕ А. Д. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ИВАНОВ Арсений Дмитриевич, родился в 1887 в Троицкосавске Окончил духовную семинарию. Священник, служил настоятелем Платоно-Николаевского храма в селе Мысовск Забайкальской железной дороги. 12 декабря 1928 — арестован и отправлен в Верхне-Удинскую тюрьму.

В феврале 1929 — к Е. П. Пешковой обратились за помощью представители приходской общины:

<4 февраля 1929>

«Уважаемый товарищ Пешкова!

Мысовский Церковно-Приходской Совет Б<урят>М<онгольской> АССР просит Вас походатайствовать за священника нашего прихода Арсения Дмитриевича Иванова, содержащегося в настоящее время в Верхнеудинском исправдоме по обвинению по 56 ст<атье>. Дело его недавно переслано в Москву на заключение Особого совещания Коллегии ОГПУ, о чем ему объявлено 22-го января. Все дело возникло по доносу из Мысовска, т<ак> к<ак> у о<тца> Арсения Иванова есть несколько человек, враждебно к нему настроенных. Они-то и послали донос, в котором обвиняют его в том, что он ездил по чужим приходам, якобы, с целью агитации, но это явная ложь: он, действительно, ездил в селение Брянское и Посольское, но не с целью какой-либо агитации, т<ак> к<ак> он человек вполне лояльный, а по обстоятельствам службы, к нему, как к благочинному, из этих приходов приезжали нарочные, просить его принять участие в церковной службе в дни Храмовых праздников. Мы уверены, что о<тец> ИВАНОВ, если и говорил там проповеди, то они не имели никакой политической подкладки.

О<тец> Арсений Иванов сидит с 12-го декабря, семья его, состоящая из больной жены, старухи матери и трех детей, находится поистине в ужасном положении, да и сам о<тец> Арсений Иванов страдает резко выраженным малокровием, в чем нет ничего удивительного, т<ак> к<ак> он получал жалования всего 15 руб<лей> в месяц, а от треб выручал не более 10 руб<лей>. Ясно, что этих денег ему с семьей хватало только на хлеб и картофель, о каких-либо сбережениях и думать было нечего.

В настоящее время семье его дает небольшую помощь Церковный Совет, но последний дать много не может, т<ак> к<ак> ему приходится содержать и еще семью нового временно назначенного священника, вот почему мы, Уважаемый Товарищ, и обращаемся к Вам с покорнейшей просьбой походатайствовать за о<тца> Арсения Иванова об облегчении участи его и об ускорении разбора этого дела. Хотя мы и уверены в правоте о<тца> Арсения Иванова, тем не менее, неизвестно, как может обернуться дело, тем более, что лица, способные заниматься доносами, обычно не останавливаются ни перед какой клеветой. Мы наслышаны о Вашем добром сердце, а поэтому надеемся, что Вы не откажете нам в нашей просьбе и, кроме того, уведомите нас о результатах своего ходатайства.

4 февраля 1929 г<ода>.

г<ород> Мысовск .

Председатель Церк<овного> Совета

(подпись)

За секретаря

(подпись)

Церковный староста

(подпись)

Члены Церк<овного> Совета

(подписи)»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 317. С. 126-127. Автограф.

В марте 1929 — к Е. П. Пешковой вновь обратилась за помощью прихожанка Серединская.

<7 марта 1929>

Уважаемый товарищ Пешкова.

Снова беспокою Вас по делу нашего священника городка Мысовск о<тца> Арсения Дмитриевича Иванова. Вы, несомненно, простите такую мою навязчивость, если поймете, что все надежды семьи его возлагаются на Вас.

От Вас одной мы ждем помощи в этом деле. Сегодня получили письмо от нашего заключенного, из которого видно, что дело его, предварительно побывав в Сиб<ирском> крае, перешло к Вам в Москву. Слов Москвы будет последним и решающим. Будьте же добры, смягчите это последнее слово.

Опыты окружающего приводят нас к печальным размышлениям. Почти всех священников постигает участь ссылки, еще более счастливы из них те, у которых нет семьи, а вот у нашего священника как раз еще имеется, кроме больной жены и старухи матери, трое детей.

Войдите же в его положение, уважаемый товарищ, примите во внимание еще и то, что всему виной донос, а о<тец> Арсений Иванов никогда не агитировал против власти. Скорее доносчики дискредитируют власть, заставляя разбираться в вымыслах и играть им как бы на руку.

Теперь, с тех пор, как дело перешло в Москву, всецело одна надежда семьи священника будет на Вас, и сейчас они все ждали от Вас ответа, ежедневно справляясь, нет ли письма?

Поймите, что это вопрос жизни и смерти не одного лица, а шести душ. Там есть и дети, которые вырастут и принесут пользу, быть может, своему государству, всегда будучи ему благодарны за спасение отца.

И так, уважаемый товарищ, с трепетом и нетерпением будем ждать теперь решения Москвы, надеясь на Вашу поддержку.

Уважающая Вас
Серединская.

Адрес: Мысовск
Забайкальской ж<елезной> д<ороги>
Серединской»².

26 апреля 1929 — священник Арсений Дмитриевич Иванов был приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в село Парабель Нарымского края. На письме Серединской об этом — помета секретаря: «Сибирь 3 г<ода>. 26/IV».

В августе 1929 — к Е. П. Пешковой обратился за помощью сам священник Арсений Дмитриевич Иванов.

<22 августа 1929>

«Проситель Священник
Забайкальской епархии
Арсений Дмитриевич Иванов,
находящийся в ссылке в Нарымском крае,
селе Парабель Томской губернии

Уважаемая гражданка
Е. П. Пешкова.

На днях я узнал, что существует помощь политическим ссыльным и находится под Вашим Председательством. Имея нужду в помощи по розыску собственных денег, я решил обратиться к Вам и обеспокоить Вас

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 317. С. 80-81. Автограф.

покорнейшей просьбой оказать мне содействие в отыскании денег. Утрата денег произошла следующим образом. По прибытии с партией ссыльных из Иркутского изолятора в Красноярский, с 5-го по 6-е июня 1929 г<ода> в 4 часа утра, я, получив деньги 45 рублей от начальника конвоя, тотчас же передал их на хранение дежурному по изолятору гр<ажданину> Нейдеру Карлу Мартиновичу, как впоследствии мне удалось установить его имя, отчество и фамилию. Сданные мною деньги были следующего достоинства: две кредитки по 5 рублей, пять кредиток по 3 рубля и двадцать кредиток по одному рублю. Одновременно со мной сдавали деньги на хранение гр<аждане> Сулимов Сергей Дмитриевич (следовавший в Кемь) и Хренков Сергей Дмитриевич (прибывший отбывать срок в Красноярском изоляторе). Первый сдавал 45 рублей, а второй 3 рубля. Во время сдачи нами денег присутствовали гр<аждане>, прибывшие с нами в партии, Скибневский Владимир Михайлович (следовавший в Кемь), Пляскин (следовавший в Новосибирск), Беломестнов (следовавший в Москву) и другие, фамилии коих я сейчас не припомню. Помимо указанных лиц, наличие у меня денег может, конечно, подтвердить и начальник конвоя, сопровождавший нас от Иркутска до Красноярска. Конвой был из Красноярской конвойной роты.

Дежурный по изолятору с 5-го по 6-е июня, гр<ажданин> Нейдер, приняв от нас деньги для передачи их на хранение, расписки нам никакой не выдал, а лишь объявил, что квитанции на деньги мы получим завтра в конторе изолятора. Мы этим все удовлетворились, так как подобным же образом мы сдавали деньги и в других изоляторах и на завтра получали квитанции. В Красноярске же получилось казусное дело. По принятии от нас денег все мы, прибывшие с партией, были помещены в камеру № 6 главного корпуса изолятора, а часов через пять меня перевели в камеру пересыльных при том же изоляторе.

На завтра я в контору за получением квитанции вызван не был, а потому вечером на поверке обратился к заведующей колонией пересыльных гр<ажданке> Мечетиной Марии Ивановне, которой и выразил мое недоумение по поводу не вызова меня в контору для получения квитанции в сданных мной 45 р<ублей> на хранение. Заведующая обещала мне навести справку в конторе и через три дня мне объявила, что денег моих в контору не поступало, но просила меня не беспокоиться, так как гр<ажданин> Нейдер болен и как будет здоров, деньги мои будут в конторе, и квитанцию я получу, однако, этой квитанции я не получил и во все мое десятидневное пребывание в Красноярском изоляторе. В день отправления с партией на Томск, 15-го июня 1929 г<ода> я и гр<ажданин> Султанов обратились с просьбой о выдаче квитанции или денег к коменданту изолятора. Последний, записав наши имена, отчества, фамилии и суммы сданных денег, объявил, что квитанции теперь уже нам выданы не будут, но будут выданы деньги. Получив такой ответ, мы успокоились. Однако, в момент приема нас в партию конвоем, денег нам администрацией Красноярского изолятора выдано не было. Дежурный по изолятору заявил, что Нейдера нет дома, а он от нас денег не принимал, а потому ни денег, ни расписок выдавать не обязан, и даже выразил сомнение в сдаче нами денег на хранение.

При таком обороте дела с нашими деньгами мы стали просить как дежурного, так и начальника конвоя оставить нас от партии для выяснения положения с нашими деньгами. В просьбе этой нам было отказано, а начальник конвоя приказал не разговаривать и следовать с партией, добавив при этом, что деньги ваши не пропадут, а будут посланы вслед. Я этому приказу подчинился и стал в ряды партии, а гр<ажданин> Сулимов категорически отказался следовать, пока ему не выдадут его деньги. Но это ему не помогло. Он, по приказу начальника, взят был под руки

конвойными, а другие конвойные взяли его вещи и посадили на телегу с вещами, невзирая на его протесты и рыдания. В дорогу мы отправились без копейки денег и только благодаря поддержке сотоварищей по ссылке мы в дороге не голодали.

По прибытии в Томск я тотчас же заявил помощнику начальника изолятора о том, что со мной приключилось в Красноярске. Последний предложил мне подать письменное заявление на имя начальника изолятора. 18-го июня 1929 года я подал заявление начальнику изолятора, а затем 21-го июня 1929 г<ода> подобное же заявление подал в Томский отдел ОГПУ, но до настоящего момента не имею никаких результатов на поданные мною заявления. Средств же к прожитию я не имею никаких, кроме скудной помощи от родных; так как физическим трудом заняться не могу по причине болезни сердца, а другого рода занятий в Нарымском крае найти не возможно, а ко всему еще я священник, и это также немалая препона в подыскании места службы.

Задержанные деньги в Красноярске были собраны родными с громадными лишениями для себя, и вот ими и то не пришлось воспользоваться по излишней доверчивости к служащим в государственных учреждениях. Ввиду всего вышеизложенного, не откажите и помогите в деле возврата мне денег из Красноярского изолятора.

С уважением к Вам имею честь пребывать
священник А. Иванов.

22 августа 1929 г<ода>.

С<ело> Парабель

Нарымский край, Томская губерния.

У сего прилагаю 20 копеечную марку на ответ»³.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 337. С. 39-42. Автограф.